

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. И. Корчагин. Рецензия. [Институт русского языка АН СССР С. И. Ожегов и др. — Малый словарь русского языка (Стр. 1—3230)]

Рукопись словаря была направлена в редакцию Издательства для сдачи ее в набор. Зам. главного редактора словаря С. И. Ожегов в сопроводительных записках к первой и второй частям рукописи (от 19/XI-45 г. и от 5/II-46 г.) сообщил, что она утверждена Главной редакцией и технически оформлена для набора. Он же в устной беседе с редактором Издательства подчеркнул, что делать в рукописи какие бы то ни было исправления без согласования с Главной редакцией не следует.

Судя по всему сказанному, можно было ожидать, что представленная рукопись более или менее безупречна. Однако на деле оказалось не так. Рукопись нуждается в значительной доработке и редакционных улучшениях: в ней имеется очень много различного рода дефектов. Чтобы показать, в чем именно заключаются эти дефекты, нам придется привести большое количество иллюстраций.

I

Неприемлемы по своему характеру толкования многих понятий и терминов, относящихся к философским учениям, а также объяснения ряда слов, связанных с религиозно-бытовыми представлениями. Это можно увидеть из следующих примеров.

«Агностицизм... — философское учение, отрицающее возможность познания внешнего мира».

Определение, вообще как будто правильное, все же невыразительно. Оно слишком нейтрально, в нем нет элемента авторской оценки. Из того, что представители агностицизма отрицают объективную истину, следует, что их учение по существу реакционно, и потому агностику свойственна «терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах» (Ленин). Конечно, вскрыть полностью содержание сложных понятий в коротких определениях, к которым вынуждены прибегать составители данного словаря, трудно. Но нельзя забывать, что определения любых слов должны быть как можно более лаконичными, т. е. не только краткими, но вместе с тем и выразительными. Поэтому, определяя слово «Агностицизм», надо по меньшей мере вместо «Философское учение» сказать «Идеалистическое философское учение».

«Материализм... I. Философское направление, признающее, в противоп. идеализму, первичность материи по отношению к духу и существование мира независимо от сознания, мышления».

И это определение не содержит в себе явного порока, в общих чертах оно правильно. Тем не менее его нельзя признать удовлетво-

рительным. По неизвестным нам причинам примыкающие к слову «Материализм» понятия «Диалектический материализм» и «Исторический материализм» в словаре не объяснены никак, точнее — просто опущены. А раз так, то о материализме вообще недостаточно сказать только как о философском направлении, противоположном идеализму.

Надо подчеркнуть, хотя бы очень коротко, что материализм — передовое из двух главных направлений философии.

Возьмем еще два объяснения из числа приведенных в словаре, на этот раз в их сопоставлении:

«Субъективизм... 1. Идеалистическое направление в философии, отрицающее объективные законы развития природы и общества и считающее действительность продуктом сознания субъекта. 2. Субъективность».

«ОБЪЕКТИВИЗМ... Объективность в изучении, оценке чего-н.; противоп. „субъективизм“».

Против объяснения слова «Субъективизм» в I значении можно не возражать. Не лишне было бы лишь добавить, что это крайняя форма идеализма. Но второе значение этого слова дано едва ли правильно. Ставить знак равенства между субъективизмом и субъективностью рискованно: здесь очень важны и существенны оттенки. По-видимому, следствием этой неосторожности и непродуманности явился и самый большой промах, допущенный в рассматриваемом случае автором и вслед за ним редактором. Этот промах относится к объяснению слова «Объективизм». В объяснении говорится, что это понятие противоположно понятию «субъективизм», но в каком значении (1 или 2) — не указано. При столкновении с приведенными объяснениями у обладателя словаря, если бы последний вышел в представленном Главной редакцией виде, возникло бы немалое затруднение. Ни по форме, ни по существу он не имел бы оснований заключить, что противопоставлены «Объективизм» и «Субъективность», поскольку значение второго из этих слов вовсе не объяснено и поскольку ему противоположно скорее понятие «Объективность», а не «Объективизм». Следовательно, обладатель мыслимого словаря сопоставил бы определение слова «Объективизм» с определением слова «Субъективизм» в 1 значении. А сделав это, он мог бы увидеть нечто несообразное.

В самом деле: субъективизм — идеалистическое направление в философии, а объективизм, т. е. то, что по указанию автора противоположно субъективизму, — «объективность в изучении, оценке чего-н.». Из этого странного

сопоставления можно сделать вывод, что объективизм — не идеализм, а материализм, тогда как он представляет собой разновидность того же идеализма.

В руках эксплуататорских классов объективизм, или объективный идеализм, как и всякий другой идеализм, «служит орудием искажения, маскировки действительных общественных отношений, орудием угнетения и порабощения эксплуатируемого класса» (БСЭ).

Почему истолкование термина «Объективизм» в его настоящем, а не искаженном значении не нашло места в рукописи словаря, непонятно.

Правда, философия — вещь головоломная. Некоторая путаница и отдельные упущения в толкованиях мировоззренческой терминологии могли остаться в рукописи по недосмотру. Гораздо хуже общая тенденция составителей и редакторов словаря — давать определения слов, важных для миропонимания и идеологии, в смягченных тонах, излишне объективно. Эту тенденцию в свете фактов, ярко свидетельствующих о том, что борьба на идеологическом фронте продолжается, нельзя не считать предосудительной.

Нет нужды доказывать, что словарь — издание весьма ответственное: составители и редакторы словаря должны знать это лучше, чем мы. Но если об этом говорить излишне, то, наоборот, нельзя не заострить первый и, кажется, наиболее серьезный вопрос, возникающий у нас при ознакомлении с рукописью.

Главная редакция утвердила рукопись словаря, считая ее вполне подготовленной к печати. Между тем на словаре в той части его, которая относится к числу наиболее существенных, лежит печать какого-то бесстрастия, какого-то формального подхода к определению значений слов.

Полагая, что выдвинутая нами мысль важна, мы попытаемся подкрепить ее другими примерами — примерами более простыми, взятыми уже не из области философии, и потому, может быть, более яркими и убедительными.

Спросим составителей и редакторов словаря: о чем ином, если не о бесстрастии, если не об отсутствии авторского вмешательства в оценку явлений, говорят объяснения к таким, например, словам, как амулет, взятка (в 1 зн.), плагиат?

«Амулет... Предмет, носимый на теле как магическое средство против болезней, несчастья и т. п.».

«Взятка... 1. Вознаграждение должностному лицу за незаконные действия по должности».

«Плагиат... Опубликование чужого произведения или части его под своим именем».

Вставьте в первом случае вслед за словами «на теле» два слова — «суеверными людьми»: иначе можно подумать, что амулет, как магическое средство, действительно существует.

Перепишите объяснение во втором случае, начав его со слова Подкуп, а не Вознаграждение: иначе можно подумать, что со взяточничеством и борьбы-то никакой вести не надо (раз за незаконные действия по должности вознаграждают — ухмыльнется какой-нибудь матерый¹ плут-взяточник, — почему же на них не пойти?).

Скажите, наконец (в третьем случае), что плагиат — литературное воровство: иначе можно подумать, что в опубликовании чужого произведения под своим именем тоже нет ничего зазорного.

Сделайте простые исправления в духе предлагаемых. Тем самым будет выражено собственное отношение составителей к явлениям, авторская оценка каждого из них.

Коснемся еще объяснений слов другого порядка — объяснений, по смыслу языка правильных, но по существу вызывающих определенные сомнения и потому требующих составительских (словарных) ремарок.

«БОГОРОДИЦА... мать Христа».

«ПРОРОК... Истолкователь воли божества, богов, предсказывающий будущее».

Подобные определения не могут не вызвать вопроса: по чьим это представлениям? В таких случаях необходимы соответствующие ремарки.

«СВЯТКИ... праздничное время от Рождества до Крещенья».

Недоумение, вызываемое этим определением, пожалуй, еще серьезнее. Под праздничным временем принято разуметь дни нерабочие, а от Рождества до Крещенья почти две недели. Спрашивается: где, у кого, в какой среде наблюдал автор то, что зафиксировано им в объяснении слова «Святки»? Отметки об устарелости понятия или какой-нибудь другой, которая, возможно, устранила бы недоумение, нет и здесь.

Впрочем, и там, где составительские оговорки имеются, они иногда не вполне приемлемы, вот пример:

«НИРВАНА... У буддистов: блаженное состояние души, освобожденной от страданий личного бытия; смерть, небытие».

Вместо «У буддистов» тут, несомненно, лучше было бы сказать «По учению буддистов». Смысл такой поправки, кажется, можно не аргументировать: он ясен и без того.

Не будем приводить под рубрикой I других примеров, которые говорили бы о неприемлемости тех или иных толкований. Укажем, однако, что с погрешностями, аналогичными расточенным выше, а также вообще недостаточно четко, а иногда даже поверхностно, определены и многие другие слова. В частности должны быть пересмотрены и исправлены определения следующих слов:

¹ В словаре эта форма почему-то не дана: есть лишь матерой.

Абстракция	Святцы
Алхимия	Священный (в 1 зн.)
Астрология	Семик
Медиум	Синдикализм
Национализм	Синдикат (в 1 зн.)
Низ (во 2 зн.)	Сионизм
Низкий (в 3 зн.)	Славянофильство
Обществоведение	Солипсизм
Панславизм	Социал-демократия
Пантеизм	Спиритуализм
Пауперизм	Урбанизм
Плюрализм	Формализм (во 2 зн.)
Прагматизм (в 1 зн.)	Футуризм
Психологизм (в 1 зн.)	Цинизм (в 1 зн.)
Рационализм	Экономический материализм
Реакция	Эмпиризм
Ревизионизм	Эманация
Религия	Ясновидение
Реформация	Ясновидец
Реформизм	

II

Неприемлемы содержащиеся в рукописи объяснения многих простых слов. Об этом могут свидетельствовать следующие примеры.

«БУКАШКА... Всякое маленькое насекомое».

Хотя приведенное определение имеет уже силу традиции (см. 4-томный словарь под редакцией Д. Н. Ушакова), нам оно представляется все же неправильным. Едва ли всякое маленькое насекомое может быть названо букашкой. Даль, например (более давняя традиция), в объяснение к слову «Букашка» вводит признак жесткокрылости, что говорит о стремлении к большей точности.

Нам, правда, могут сказать, что составители словаря не ставят себе задачей давать точные определения слов, что живое слово — не математическое понятие, что в ряде случаев достаточно дать лишь общее представление о значении того или иного слова. Но разве мы требуем здесь какой-то абсолютной точности? Вовсе нет. Мы хотим только, чтобы определения слов не шли против логики, не противоречили действительности. А такому-то требованию и не отвечает, на наш взгляд, определение слова «Букашка».

Недаром в рукописи этого же словаря разные маленькие насекомые представлены различным образом. Так, козявка и таракашка по словарю — букашки. А муравей, например, или вошь определены иначе:

«Муравей... Перепончатокрылое насекомое, живущее большими сообществами».

«Вошь... Мелкое насекомое, паразит на теле животных, людей».

Эти последние насекомые, по-видимому, не букашки.

«ВЛАГА... Всё жидкое, мокрое, сырое».

Так ли? Определение, вероятно, слишком оригинально для того, чтобы с ним можно было согласиться. По нашему мнению, мокрая пеленка — не влага, сырое дерево — тоже.

«ТАРТАРАРЫ: провалиться в тартарары (разг.) — употр. при высказывании желания

деться куда-н. подальше, как бы исчезнуть совсем [букв. провалиться в преисподнюю]».

Этот пример, конечно, не столь разителен, как два предыдущих. Но приходится приводить и подобные примеры, чтобы указать на различные недостатки, таящиеся в рукописи. Здесь возбуждает сомнение слово «деться», хотя по форме оно и вытекает из «провалиться». По смыслу определения я (ты, он) могу (можешь, может) высказать желание провалиться в тартарары лишь себе самому. А как же быть, например, с фразой: «Да провались ты в тартарары!»? Она под определение не подходит. Между тем означенное выше «пожелание» в действительности, в живом языке чаще адресуют кому-либо другому, а не себе.

Возьмем другое, коротенькое определение примерно такого же рода:

«СВОЙ... Принадлежащий себе».

Слово определено по аналогии с: мой (твой, его) — принадлежащий мне (тебе, ему). Формально это как будто правильно, но по существу неприемлемо. Свой служит для замены или усиления других притяжательных местоимений: мой, твой, его... Поэтому во фразе: «У меня (у тебя) есть свои папиросы» — слово свои означает не «принадлежащие себе», а принадлежащие мне (тебе) папиросы. Во фразе: «В этой компании он свой человек» — слово свой опять-таки не означает «принадлежащий себе»; оно означает «принадлежащий ей», т. е. сходный с другими лицами компании.

Объясняя значение слова «Свой», лучше, по-видимому, сказать: принадлежащий мне, тебе, ему, нам, вам, им (по смыслу того или иного выражения).

«ПОДКИДНОЙ: подкидные дураки — игра в карты, в к-рой все партнеры подкидывают играющему карты, к-рые надо покрыть».

Зачем понадобилось это растянутое и к тому же неверное объяснение (подкидывают не все партнеры, а только противники), когда следовало просто сказать — род карточной игры?

«САНДАЛИИ... Легкая обувь, состоящая из подошвы, привязываемой (!) ремешками к ноге (!)»

Определение явно неудовлетворительное. Обычные для нашего производства сандалии состоят не только из подошвы, но имеют и верх. О них вообще достаточно было бы сказать — легкая летняя обувь, не привязывая их к ноге. Но автор, видимо, задался целью в одном коротком определении сказать также о сандалиях древних греков и римлян, действительно представлявших собой подошвы, прикреплявшиеся к ногам ремешками (такой род обуви употребляется некоторыми народами и в наше время). В результате — неудача. К слову «Сандалии» следовало дать два его значения.

На этом примере мы остановились подробно потому, что он характерен для составителей словаря. Толкования многих слов оказываются

неточными или неясными потому, что авторы тщетно пытаются соединить несоединимое.

«СТАХАНОВЕЦ... Работник, достигающий в социалистическом соревновании наивысшей производительности труда и превышения обычных норм выработки».

И тут неладно: наивысшая производительность и простое превышение нормы; эти крайности противоречат друг другу. Вернее сказать: работник, к-рый, рационализируя производственный процесс, значительно превышает обычные нормы выработки и достигает очень высокой производительности.

Рассмотрим, наконец, еще один пример:

«ИСПАХАТЬ... Вспахать всюду, во всех направлениях».

Где это всюду и что значит во всех? Сколько этих направлений? Их так много, что «во всех» направлениях никто нигде не пашет, даже если хочет «испахать». Лучше было бы в этом случае дать объяснение в таком роде:

ИСПАХАТЬ. Вспахать всё (землю, участок), о чем говорится. А к этому не лишне было бы добавить: Испахать (лемех) — источить, истереть долгой работой.

Большей точности требуют и определения ряда других простых слов. В частности следует пересмотреть и исправить объяснения к следующим словам:

Бар (в 1 зн.)	Закосить	Обсчитать
Верша	Затворник	Омшаник
Взвиться	Знахарь	Просторечие
Вздых	Зуд (в 1 зн.)	Припёк (в 1 зн.)
Вздыхать (в 1 зн.)	Колея	Рыскать
Гайка	Молодка	Снег
Голова (в 1 зн.)	Мураш (во 2 зн.)	Таблица
	Невязка	

III

Неприемлемы также определения многих слов, представляющих собой нечто среднее между сложными терминами и простыми словами. Это можно иллюстрировать следующими примерами.

«ВХОЛОСТУЮ... Не приводя в движение механизма, напрасно».

Смысл определения в целом, мягко говоря, весьма загадочен. Вхолостую и напрасно — понятия, увязывающиеся одно с другим вполне. Но что означает здесь напрасно, если механизм не приведен в движение? Кажется, следовало сказать как раз наоборот: движение механизма без выполнения работы, для которой он предназначен.

«МАКАРОНИЗМ... Иностранное слово или выражение, употребленное в речи с сохранением присущей этим словам формы и произношения».

Правильно ли, что с сохранением присущей формы? До сих пор мы думали, что макаронизм — умышленное искажение слов другого языка на свой лад или изменение слов своего языка в духе иностранного, применяемые в определенных стилистических целях.

«ШАХМАТЫ... 1. Игра по особым правилам на доске в 64 клетки между белыми и черными фигурами».

Это, конечно, никого не введет в заблуждение. Однако предпочтительнее было бы сказать: Игра по особым правилам (черными и белыми фигурами) на доске в 64 клетки между двумя противниками.

Примеров, пожалуй, хватит. Укажем только, как и в предыдущих случаях, что неточно, неясно или небрежно определены и многие другие слова, в частности следующие:

Ассимилировать	Координата
Авторизовать	Маргарин
Авторитарный	Мелодрама
Агрегат (во 2 зн.)	Олифа
Администрировать	Оракул
Ампутация	Ординар
Аристократия (в 1 зн.)	Парафраз (в 1 зн.)
Бракераж	Плеоназм
Браконьер	Повесть
Газ (в 1 зн.)	Политехникум
Галлюцинация	Пуризм
Гамма	Талон
Гомеопатия	Типография
Гайморит	Узел ²
Демиург	Фавн
Кантонист	Факт
Клиринг	Цезура
Кобальт	Цейтнот
Консилиум	Цент
Комедия	Юпитер

Перейдем к другим разделам наших замечаний о рукописи.

IV

Наряду с большим количеством неудачных определений и объяснений различных слов, в словаре содержатся и прямые ошибки; рукопись страдает также существенными недосмотрами и редакционными дефектами.

Примеры, свидетельствующие об ошибках.

«КВАДРИЛЬОН... Миллион в четвертой степени».

Заблуждение явное. Миллион в четвертой степени больше квадрильона в 1000 000 000 раз. Математически определение квадрильона в словаре означает то же самое, что получилось бы, если бы мы сказали: единица равна миллиарду.

«АКР... Земельная мера в Англии и Америке, равная 4,047 кв. м.».

Здесь мера преуменьшена в тысячу раз. Практически такая ошибка вредна даже более, чем первая. Незнакомый с акром и доверчивый человек, почерпнув это сведение из солидного издания, мог бы распространять его как достоверное.

«СТЕПЕНЬ... 3. Повторное умножение числа на самого себя. Возвести два в третью с. (трижды помножить число 2 на самого себя)».

По поводу этого определения, раз уж оно

приведено, попутно заметим, что не всегда — повторное (при возведении в квадрат повторности нет). Вскользь обратим также внимание на то, что следовало, кажется, написать пмножить, а не помножать (это слово связано со словом возвести, объясняет его и должно быть подчинено ему). Главное же, т. е. ошибка, заключается в данном случае в том, что сказано трижды вместо дважды. При троекратном перемножении получится четвертая степень числа, а не третья.

«ПЕРПЕТУУМ-МОБИЛЕ... Вечный двигатель».

Здесь ошибка не столь очевидна. Все же и это сообщение может ввести в заблуждение. Если автор не хотел удлинять объяснение указанием, что вечный двигатель — понятие лишь воображаемое (по крайней мере, по современным представлениям об основных законах физики), то надо было хотя бы взять слова вечный двигатель в кавычки.

Примеры, говорящие о недосмотрах.

Наибольшее количество недосмотров и притом самых опасных (в том смысле, что их не так легко устранить) вызвано широко применяемым составителями способом — объяснять родственные слова путем ссылки на другие, уже объясненные. Способ сам по себе целесообразен. Но использован он либо не всегда достаточно продуманно, о чем будет сказано ниже, либо без надлежащей тщательности в работе, ведущей к явным несообразностям, о чем свидетельствуют следующие примеры.

Слово Пасочница объяснено, как форма для пасхи (во 2 зн.), а Пасха (во 2 зн.) — церковный праздник воскресения Христа. Следовало написать: форма для пасхи (в 3 зн.).

Слово Амортизатор определено как приспособление для амортизации (во 2 зн.), а Амортизация (во 2 зн.) — постепенное снижение стоимости имущества вследствие его изнашивания. Промах аналогичен предыдущему.

Шланг — рукав (во 2 зн.), а Рукав (во 2 зн.) — отделившийся от главного русла водной протоки.

При объяснениях слов Простонародный и Простонародье даны ссылки на слово Простой (в 8 зн.), а последнего в рукописи нет вообще.

Все подобные случаи (их, повторяем, очень много) требуют самой тщательной проверки и исправлений.

Есть в рукописи и другого рода недосмотры, вернее — опечатки, которые при меньшей щепетильности авторов, конечно, гораздо легче было бы просто исправить, чем говорить о них в рецензии. Таковы:

«СЕРЕДНЯК... Крестьянин, ... стоящий между бедняком и середняком (?)».

«СТАРИТЬ... Делать старым старше (?)».

«СКАЛИТЬСЯ... Сказать (?) зубы».

«АСТРОЛЯБИЯ... Геодезический инструмент для изменения (?) углов».

«ТЕРПЕТЬСЯ... Хватает (?) терпения...».

«СТРОЧКА² ... Строка (в 1 зн.). Стихотворение в восемь строчек [шрифт ?].

Примеры, иллюстрирующие редакционные дефекты.

Оговоримся по поводу слова редакционные в этом подзаголовке, так как к редакционным дефектам в широком смысле может быть отнесено все, что иллюстрировалось нами выше. Здесь мы хотим коснуться некоторых тонкостей в определениях слов, т. е. затронуть моменты, которые, в отличие от других, можно назвать чисто редакционными.

«САМОЗВАНСТВО... Незаконное присвоение себе чужого имени, звания с целью обмана».

Могут ли быть случаи, когда присвоение и т. д. законно? Если нет, то незаконное лучше исключить.

«ПÁРИТЬ... 3. Печь что-н. в закрытом сосуде в своем же соку».

В чем же своем? Кажется, это выражение двусмысленно. Может быть, лучше было бы сказать, например, так: 3. Печь что-н. в его собственном соку в закрытом сосуде.

«ПЕПЕЛЬНИЦА... Посудинка для стряхивания пепла от табака». Для стряхивания — это скорее при помощи которой стряхивают, чем в которую стряхивают. Не лучше ли слово стряхивания опустить?

«ПРОКЛЮНУТЬ... Проклевать».

Это не совсем так: проклюнуть — пробить ударом, а не ударами клюва; одно и то же эти слова означают лишь по результату, а не по действию.

«СПОРЫНЬЯ... Паразитные образования в колосе ржи в виде черных ядовитых зерен-рожков».

В виде черных зерен-рожков — понятно, это признаки внешние, видимые. В виде же ядовитых — весьма сомнительно. Построение фразы лучше видоизменить.

«УГРОЗА... Обещание причинить кому-н. зло».

В данном случае, кажется, следовало бы подумать над тем, нельзя ли заменить слово обещание чем-нибудь другим, по духу не столь разнящимся с понятием угроза.

V

Смущает в словаре недостаточно строгий стиль определений некоторых простых слов. В рукописи имеются также мелкие грамматические погрешности и неправильные ударения.

О стиле определений, которые мы имеем в виду в данном случае, можно судить по следующим примерам:

«БАТОН... Длинный белый хлеб».

«СВИСТОК... 1. Прибор, к-рым свистят».

«СКРИПАЧ ... Музыкант на скрипке».

«БОТИНКИ... Сапоги, закрывающие щиколотку».

«ЖЕРДЬ... Длинная палка, шест».

«БАТОГ... Палка».

«ПЕСТ... Короткая палка с круглым концом для толчения чего-н. в ступе».

«ВАЛЕК... Короткая круглая палка, а также род небольшого цилиндра».

«УХВАТ... Палка с металлической рогаткой на конце для подхватывания горшков, чугунов».

Так ли необходимо слово длинный для того, чтобы объяснить, что такое батон? А в приведенном определении оно звучит несколько одиозно. Почему ботинки не обувь, а сапоги? Не лучше ли сказать о свистке, что это прибор, пользуясь к-рым издают свист? Почему батог только палка? И почему та же палка использована в объяснениях к словам Пест, Валек [в 1 зн.], Ухват, где лучше было бы заменить ее другими, более точными словами?

Во всех приведенных определениях чувствуется какое-то нарочитое упрощение, которое едва ли заслуживает одобрения.

О грамматических погрешностях рукописи (к сожалению, о них тоже приходится говорить здесь) можно судить по некоторым отдельным выражениям и по ошибкам, вкравшимся в текст, по-видимому, при перепечатке его машинисткой.

«РАЗУМЕТЬ... 2. Представлять о смысле (?) чего-н., подразумевать».

«СЛАВЯНОФИЛЬСТВО... утверждавшее о самобытности (?) культуры».

«УПИТАННОСТЬ... зависимых от (?)».

«РАЦИОНАЛЬНЫЙ... 3. Соизмеримый единице или части единицы [с единицей или частью единицы?]».

«ПАРА... 1. Два однородные (?) предмета...».

«РАВНОБЕДРЕННЫЙ... Имеющий две равных (?) стороны...».

Здесь же отметим хотя бы один случай из числа не совсем удачных определений некоторых форм числительных — определений, пожалуй, таящих в себе грамматические погрешности. Например:

«СЕМЕРО... Семь каких-н. предметов, существ».

Такое определение дает, как нам представляется, основание сказать: семеро лопат, семеро лошадей, т. е. сказать как будто неправильно.

Из слов, написания которых должны быть исправлены, укажем на следующие (в скобках — страница рукописи): проферанс (2246), возросте (1725), ровестники (1137), явств (1164), пол рюмки (1717), смышленность (2617), подветренный (1908). Последнее из этих слов вписано от руки.

О видимом неблагополучии с ударениями можно судить, например, по следующим словам:

хрусталь	властолубивый
ноумен (вместо ноумен)	шуровка (от шуровать)
взвёсти (вместо взвесті)	отжиг (вместо отжиг)

взмощусь	оттбманка
попблудни (пополудни?)	поставщик (поставщик?)

Может быть, все это результат описок? Так или иначе, рукопись следует пересмотреть и в части, касающейся ударений, чтобы внести в нее необходимые исправления.

VI

Вводная статья, в которой должна быть объяснена задача данного словаря по сравнению с другими, охарактеризованы его особенности и даны указания о порядке пользования им, издательству еще не представлена, не приложен к рукописи и титульный лист, где были бы названы составители и редакторы словаря. Перед нами пока только основной текст. Но и по нему, т. е. без вступительной статьи, в которой, возможно, были бы разъяснены или обоснованы некоторые моменты, представляющиеся нам либо не совсем понятными, либо даже спорными, мы считаем нелишним высказать несколько отдельных замечаний о рукописи с точки зрения ее чисто словарных особенностей.

А. Словарь задуман как одготомник. Понятно поэтому, что в него не вошли многие слова. Что же делать? Можно было бы сказать, что на нет и суда нет, если бы использованный составителями словник не возбуждал некоторых сомнений.

Почему, скажем, в словарь не включены такие слова, как Продналог, Продразверстка, а такие, как Семик или Хиротония, нашли в нем место? Разве для молодежи, например, которая будет пользоваться словарем, последние представляют больший интерес?

Слова Диалектический материализм и Исторический материализм в гнезде к слову Материализм, как выше, в другой связи, было уже отмечено, отсутствуют, в то время как всё, что связано с религиозными представлениями и обрядностью или, например, с карточными играми, насколько можно судить по общему впечатлению, представлено с полнотой, которую едва ли можно считать оправданной.

Возьмем для примера даже такой простой случай: слово Самообман в рукописи имеется, а Самообольщение почему-то опущено.

Уже одни эти сопоставления, кажется нам, говорят о том, что над словником следует еще подумывать.

Наряду с этим общим вопросом возникают и другие, частные. Почему одни слова даны не во всех присущих им значениях, а объяснения других слов, наоборот, излишне растянуты?

Так, Фанаберия по словарю — кичливость, спесь; в значении причуды, каприза слово это не дано. Слово же Фант, наоборот, дано в трех значениях, причем каждое из них вызывает недоумения.

Еще один пример:

«СМЕЛО... Без помехи, затруднений. Мы с. поместимся здесь».

Очень хорошо. Но, кажется, в данном случае следовало бы представить слово и в другом его значении: Без чувства страха, решительно. С. мы в бой пойдем. Это — прямое и, конечно, не менее важное значение по сравнению с приведенным в словаре, которое скорее фигурально. Мы склонны даже думать, что с опущенного автором значения надо было начать, дав его под цифрой 1, а приведенное — под цифрой 2.

Б. В курсивных иллюстрациях, дополняющих объяснения к словам, в ряде случаев имеется нежелательная повторяемость. Примерами такой повторяемости могут служить следующие выражения:

«УСЕЯТЬ... Звезды усеяли небо».

«УСЕЯТЬСЯ... Небо усеялось звездами».

«КОЛЫХАТЬ... Ветер колышет занавеску».

«КОЛЫХАТЬСЯ... Занавеска колышется от ветра».

«ГОРБАТЫЙ... Г. нос (с горбинкой)».

«ГОРБИНКА... Нос с горбинкой».

Подобные же иллюстрации даны к словам: Компенсировать — Компенсация, Прикуп — Прикупить, Нависать — Навислый, Обволочь — Обволочься, Пристрастить — Пристраститься.

Такое однообразие иллюстраций к толкованиям родственных слов, обычно идущих одно за другим, пожалуй, целесообразно было бы устранить. Прочтя, например, объяснение к слову Усеять и фразу «Звезды усеяли небо», каждый по аналогии и сам сможет построить фразу «Небо усеялось звездами» (от Усеяться). Поэтому и надо было бы либо опустить часть приведенных выражений, либо (во избежание однообразия) заменить их другими.

В. Некоторые значения слов, имеющих общий корень, но относящихся к разным частям речи, определяются в словаре путем ссылки на уже объясненные значения. Такой способ применяется очень широко. Но он, по видимому, недостаточно четко или как-то очень сложно использован: ссылки указанного выше рода представляются нам во многих случаях неоправданными или, по крайней мере, непонятными. Приведем примеры.

«МЕРЗКИЙ... Отвратительный, гадкий. М. поступок. ◊ Сущ. мерзость».

«МЕРЗОСТЬ... 1. См. мерзкий. 2. Мерзкая вещь, поступок или выражение».

Здесь дело обстоит как будто так, что существительное мерзость имеет два значения: первое из них должно быть выведено из значения прилагательного мерзкий, а второе дано при самом существительном. Пробуем по значению мерзкий сформулировать определение мерзость в 1 значении. Получается: нечто отвратительное, гадкое, в частности тот же М. поступок, который, взят в качестве иллюстрации к объяснению слова «Мерзкий», иначе говоря, получается по существу то же самое, что содержится и в определении 2-го значения слова «Мерзость». Зачем же, спрашивается, давать

Мерзость якобы в двух значениях, раз имеется только одно?

Смысл ссылки от Мерзость на Мерзкий нам непонятен. Тут либо тавтология, либо какая-то словесная тонкость, которая до нас не доходит.

«ЧУДАЧЕСКИЙ... Свойственный чудаку, странный. Ч. поступок. ◊ Сущ. чудачество...».

«ЧУДАЧЕСТВО... 1. см. чудаческий. 2. Чудаческий поступок».

В этом случае — то же самое, что и в предыдущем. Чем «1» отличается от «2»? Иллюстрация к объяснению Чудаческий, здесь даже буквально совпадает с «2». В чем тут дело? Нельзя ли было бы преподнести все это как-нибудь попроще?

«ДЕЛИТЬ... 1. Разъединять на части, распределять. Д. хлеб, д. учеников на группы. 2. Производить арифметическое действие, по которому узнается, сколько раз одно число содержится в другом... ◊ Сущ. деление (к 1, 2 зн.)».

«ДЕЛЕНИЕ... 1. см. делить. 2. Арифметическое действие, по которому узнается, сколько раз одно число содержится в другом...».

В этом примере (он приведен не полностью, а лишь в части, которая нужна нам для того, чтобы выразить свою мысль) разобраться легче. Смысл ссылки от Деление на Делить здесь понятен. Эта ссылка была бы и вполне оправдана, если бы здесь не было тавтологии другого порядка, тавтологии явной. Поскольку указано, что существительное от Делить (в 1, 2 зн.) — деление, то по определению Делить (во 2 зн.) можно легко сформулировать, что такое Деление в этом значении. Зачем же повторено (без одного только слова «Производить») определение? В данном случае можно уже более решительно возражать против тавтологии.

Вполне допускаем, что система ссылок, вопрос о которой мы здесь несколько затронули, в целом продумана, что в ней имеется своя логика и что некоторые поправки, связанные со ссылками, может быть, нужно будет сделать лишь в отдельных случаях. Но если это действительно так, то этому моменту во вступительной редакционной статье целесообразно уделить специальное внимание. Надо обосновать и разъяснить принятую систему ссылок, чтобы она у других не возбуждала сомнений, аналогичных тем, которые возникли у нас.

Г. В заключение — три вопроса.

1. Не лучше ли было бы сопровождать такие слова, как Гувернер, Дворецкий, Хлеботорговец, Слуга составительскими ремарками?

Без ремарок объяснения к такого рода словам звучат несколько странно.

2. Виды растений и животных даны в рукописи словаря без соблюдения какого-либо руководящего принципа. В одних случаях указана принадлежность вида к тому или иному семейству, в других — определения носят чисто описательный характер. Не следует ли подумать над тем, чтобы внести в эту часть работы большее единообразие?

3. Осмеливаемся мы, наконец, поставить и еще один вопрос. Нельзя ли упразднить из словаря такие противоестественные формы слов, как Стельный, Жерёбый, Суягный, Супоросный, уже в порядке отступления от принципа (давать прилагательные в мужском роде)?

«СУЯГНЫЙ. Беременный (об овце)».

Неужто так уж необходима именно такая форма преподнесения слов? Почему нельзя заменить ее не то что более правдоподобной, а единственно истинной формой: «Суягная... Беременная (об овце)»? Почему нельзя заменить два «ый» двумя «ая»?

Правда, одно из взятых нами под сомнение слов, а именно слово «Жерёбый» определено довольно замысловато. Сказано так:

«ЖЕРЁБЫЙ. Обычно в ж. р. о кобыле, олице: беременная».

Обычно? — подумали мы в первое мгновение, прочтя это. А не обычно — не в женском роде? А в виде хотя бы редчайшего исключения в мужском, среднем?

Но... эта озадаченность наша исчезла так же быстро, как и возникла. Мы сразу решили, что ничего загадочного в слове обычно нет, что автором определения допущен просто промах. Источником же этого промаха, по-видимому, и послужило как раз то, что автор шел от формы — пусть даже грамматической, которая пуста, которая не имеет содержания.

Спрашивается: кому и зачем нужно, чтобы эти невразумительные формы культивировались словарями, если уже в пределах самого словаря они влекут за собой явные неловкости? Почему бы не изгнать их из языка?

Нет правила без исключений, и любой принцип нельзя доводить до крайностей. Нам кажется, что вместо приведенных форм следует дать в соответствующих местах словаря формы Жерёбая, Стельная, Супоросная и Суягная, пожертвовав абсолютной чистотой принципа во имя торжества действительности.

xxx

Перед общим заключением, во избежание возможных недоразумений, мы считаем целесообразным высказать несколько замечаний к собственной рецензии.

Мы ничего не сказали о достоинствах рукописи, о ее положительных сторонах, но это и не входило в нашу задачу. В этой рецензии мы адресуемся со своими замечаниями исключительно к авторам, тогда как в рецензиях обычного типа имеется в виду и другая сторона — Издательство.

Цену своему словарю составители прекрасно знают сами, и они в наших похвалах не нуждаются. Издательству представлен серьезный, полезный и интересный труд — результат огромной и кропотливой работы. В основном словарь составлен хорошо. Он, несомненно, должен быть издан и издан как можно скорее.

Может показаться, что эта общая оценка рукописи противоречит всему, что изложено в рецензии. Но так может подумать лишь человек, незнакомый с делом. Скажем так: пусть каждое двадцатое слово из всех включенных в словарь объяснено неудовлетворительно. И при таком допущении остается все же двенадцать двадцатых слов, объяснения к которым не вызывают каких-либо сомнений. Вот почему по количеству отмеченных нами недосмотров нельзя еще судить о качестве словаря в целом.

Мы подошли к рукописи с различных точек зрения. Мы обнаружили в ней много отдельных дефектов, на которые и обращаем внимание составителей. Мы сделали и делаем это для того, чтобы хороший словарь стал еще лучше, чтобы в нем не осталось никаких промахов, никаких грубых недосмотров.

Мы, конечно, понимаем, что язык — явление живое, изменяющееся, что никакой словарь не может быть идеальным. Но разве следует из этого, что явные недочеты рукописи, замеченные на сей день, не должны быть устранены?

Мы понимаем, что определить какое-нибудь простое, обычное слово — задача иногда не менее мудреная, чем дать представление о содержании того или иного сложного термина. Более того: мы вполне сочувствуем составителям словаря — трудная работа! Но значит ли это, что останавливаясь, иногда довольно подробно, на каком-нибудь дефекте, мы придираемся к автору? Отнюдь нет. Мы хотим лишь помочь по мере своих сил составителям словаря, внести и свою маленькую лепту в большой, значительный труд. Если даже половина наших конкретных замечаний по рукописи (а мы надеемся, что не половина, а бо́льшая часть) будет авторами использована, то мы будем считать свою задачу выполненной.

Мы, как читатели словаря до его выхода в свет, уже извлекли из него некоторую пользу. Мы верим этому словарю. Но и другие, может быть, менее искушенные читатели должны извлекать из словаря одну только пользу. Поэтому надо подготовить рукопись так, чтобы в ней не осталось ничего такого, чему верить не надо. Этим единственным желанием обусловлен и характер всех наших замечаний по рукописи.

Выводы

1. Рукопись в представленном виде посылать в набор нецелесообразно.

2. Надо просить Главную редакцию словаря взять рукопись обратно с тем, чтобы пересмотреть, доработать и исправить ее с учетом замечаний, изложенных в рецензии.

3. Желательно, чтобы рукопись после необходимых исправлений была сдана Издательству вместе с редакционным аппаратом к основному тексту словаря.

Старший научный редактор
Издательства АН

А. И. Корчагин

23/III-46 г.